

Максим Грек между «латинским» Западом и «русским» Востоком: опыт реконструкции мемориальных стратегий средневекового книжника в контексте *memoria ecclesiae*

Максим Грек¹ – исключительное и яркое явление русской средневековой культуры XVI в. Воспитанный в семье образованных православных греков, пока ещё Михаил Триволис отправился в Италию с целью получения дальнейшего образования. Побывав в 1494 – 1498 гг. во Флоренции, Падуе, Ферраре, Венеции и Милане, Михаил изучал философию и латинский язык, переписывал древние манускрипты античных и христианских авторов. Работа с классическими сочинениями, постижение наук и преподавание различных дисциплин приобщили будущего инок к гуманистической европейской культуре. Не отыскав своего призвания в католической латиноязычной среде, Михаил Триволис отправляется на гору Афон в монастырь Ватопед, где принимает монашеский постриг с именем Максим. Определившим дальнейшую судьбу инок событием стало прибытие на Афон московского посольства в 1516 г. Великий князь просил прислать в Москву «книжного переводчика» для нужд православных московских книжников. Для решения подобных задач был избран инок Максим, чью высокую образованность и филологическую подготовку отметил игумен Ватопедского монастыря.

Подобная культурная и языковая полифония позволяет задаться вопросом о том, как и посредством чего происходила трансформация индивидуальной памяти Максима Грека в контекстах различных видов коллективной памяти: православно-византийской, гуманистически-европейской и книжно-московской. В рамках исследования идентичности Максима Грека необходимо обратить внимание на подход к проблематике коллективной памяти в православных культурах *Slavia Orthodoxa*, предложенный итальянским историком-русистом Марчелло Гардзанити. Учёный ввёл понятие коллективной «церковной памяти» (*memoria ecclesiae*), определяя её как память, укоренённую и развивающуюся в лоне Церкви на фоне непрерывной связи между местными, национальными церквами и Вселенской Церковью².

Прибывший в 1518 г. в Москву со святой горы Афон, Максим Грек, будучи европейски образованным, учёным греком, приступил к возложенной на него великим князем Василием III задаче – исправлению и переводу богослужебных книг, в которых, в связи необходимостью просвещения собственных книжников и ответа на догматические

¹ См. Сеницына Н. В. Максим Грек // Православная Энциклопедия. Т. 43. М., 2016. С. 39-52. URL: <https://www.pravenc.ru/text/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BC%20%D0%93%D1%80%D0%B5%D0%BA.html>

² Гардзанити М. Библиейские цитаты в литературе *Slavia Orthodoxa* // ТОДРЛ. Т. LVIII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 34-35.

притязания со стороны еретиков, нуждалось сообщество православных московских церковных и светских интеллектуалов. «Московская академия» Максима Грека и его сподвижников была всецело занята приведением в исполнение просьб московского государя и приказов церковных элит. Вместе с этим и Святогорец, и его работники и собеседники вели полемику на различные темы – догматические, вероучительные, экзегетические (толковательные). Важное место в этих дискуссиях и спорах занимали практики правильного понимания идеи духовного просвещения, а следовательно, и концепций исправления текста, «справы». Работа «академии» была замечена митрополитом Даниилом, поставленным на кафедру в 1522 г. В 1525 г. афонского старца постигла опала: начались судебные разбирательства, связанные как с процессами светского характера, так и с обвинениями старца в ереси и порче книг.

В историографии существует очень большое количество различных оценок и выводов, сделанных на материалах Судных списков. Исследователи находили в тексте судебных протоколов и ожесточённую борьбу «сторонников» и «противников» второго брака великого князя Василия III, и были склонны рассматривать Судные списки как документ, отражающий конфликт «нестяжателей» и «иосифлян», и как конфликт «греческой идеи» с формирующейся идеей «панславизма», и как свидетельство о русском «предвозрождении». Так в исследовательской литературе фигуре Максима Грека были даны разные, порой противоречащие друг другу оценки – он рассматривался как а) турецкий шпион, б) патриот Русского царства, в) патриот Греции и Римской империи, г) предатель своей «академии»³.

Представляется необходимым выделить дискуссию, произошедшую между российским филологом Д. М. Буланиным и американским византистом И. Шевченко. В своей статье «Четыре мира и две загадки Максима Грека»⁴ Шевченко, «позволив себе некоторые общие рассуждения», стремится представить московский период жизни Максима Грека как некое «недоразумение» и утверждает, что афонский инок не осознавал Россию как своё духовное отечество, будучи всецело прилеплен к святой горе Афон, в своих сочинениях идентифицируя себя исключительно со Святой горой и называя себя «святогорцем». Против такого понимания выступил Д. М. Буланин, поставив в центр

³ Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. – М.: Квадрига. – 2017. – С. 207-208.

⁴ Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Ответственный редактор Р. М. Шукуров. – М.: «Индрик», 2009. – С. 477-492.

проблему «конфликта двух культур с разной системой ценностей», по итогам которого Максим Грек осознал себя как русского писателя⁵.

В условиях того, что можно с осторожностью назвать «кризисом идентичности», или «кризисом самоидентификации», Максим Грек был вынужден искать новые способы построения культурного диалога с московскими интеллектуалами, мысль которых, находившая выражение как в письменной, так и в устной (будь то соборный суд или частная беседа двух образованных людей) речи, в той или иной степени регламентировалась узким понятием «*книжности*».

Со временем афонский инок сумел выработать такой подход к светским и церковным интеллектуалам русского общества, который привёл членов этого общества к почитанию старца как святого ещё при его земной жизни. Он, как некогда его главный обвинитель митрополит Даниил, адресует россиянам послания на различные темы – политические, религиозные, аскетические – с помощью которых устанавливает контакт как с церковными иерархами, так и со светскими политическими агентами (например, боярином Шуйским, великим князем и впоследствии царём Иваном IV).

Публичная фигура Максима Грека как старца обретает важное идеологическое и учительское значение для церковных и светских интеллектуалов московского общества – всё это время он находился на периферии различных книжных коллективов Русского государства, то есть в тверском Отроче монастыре – одном из фактических центров монашеской, иноческой жизни Московского государства. Максим Грек, будучи участником коллективной византийско-православной, гуманистически-ренессансной и московско-книжной памяти, в собственных сочинениях стремился объединить интеллектуальные и подвижнические достижения каждой из культур в целях идеи духовного просвещения.

Инок, на протяжении всего иноческого периода жизни идентифицировавший себя со «Святой горой» (выражение прежде всего конфессиональной идентичности, сакрального пространства, и лишь потом региональной идентификации), в момент своего прибытия в Москву и создания там первых переводов был вынужден доказывать свою причастность к коллективной «церковной» памяти, обращаясь к определённому набору текстов не только как «греческий писатель» и гуманист, но и как полноценный русский «книжник». Эта «церковная память», будучи признаваемой и Максимом Греком, и русскими интеллектуалами, оказалась наиболее плодотворным полем для построения диалога между опальным иноком и московскими книжниками.

⁵ Буланин Д. М. Максим Грек: Греческий писатель или московский книжник? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2017. – № 2(22). – С. 85-98.

Хотя исследователи и стремились представить Максима Грека как писателя, имеющего идентичность греческого интеллектуала, как грека, ставшего московским книжником, на деле сам Максим Грек конституировал свою принадлежность к миру православного монашества. В связи с этим можно говорить о складывании особой, «церковной», связанной с *memoria ecclesiae* идентичности Максима Грека, которая устанавливала правила использования этих «благих начинаний», то есть инструментов других коллективных идентичностей для наставления единоверцев Святогорца.